

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.34

ИНСТИТУТ СЕМЬИ КАК ФАКТОР СТРАТИФИКАЦИИ ОБЩЕСТВА

© 2009 г. В. А. Чуланов, В. Н. Кипшидзе

*Шахтинский институт (филиал)
Южно-Российского государственного технического университета
(Новочеркасского политехнического института)*

Рассмотрена современная семья как элемент социальной структуры и ее влияние на процессы стратификации; структура семейных отношений, а так же проблема соответствия моделей семьи, особенностей семейных отношений характеру стратификационных процессов в обществе.

Ключевые слова: институт семьи; социальная структура; стратификация; семейные отношения; функции семьи; образование; стиль и образ жизни.

Modern family as an element of social structure and its influence on processes of stratification, structure of family attitudes, and a problem of family models' and features of family attitudes conformity to stratification processes' character in a society are considered in the article.

Key words: family institute; social structure; stratification; family attitudes; functions of family; formation; style and a way of life.

В социологических исследованиях семьи наблюдается определенное противоречие. Семья признается важнейшей формой социального существования человека, первичной и наиболее значимой группой, но ее изучение находится на периферии социологических исследований. Обычно говорят о проблемах воспроизводства населения и воспитания, социализации молодежи. Человек как бы выходит из семьи в «большой» мир, чтобы «делать» общество, участвовать в социальных процессах, «производить» закономерности социального развития и возвращается туда. В социологических исследованиях практически отсутствует представление о семье как месте пересечения социальных процессов, средоточия структурных конфлик-

тов современного общества. Обычно говорят о «потребностях общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» [1]. Характерен подход Я. Щепаньского, видящего специфику семьи в том, что это объединение людей разрастается не «благодаря приему новых членов извне, а благодаря рождению детей». Из этого представления выводятся базовые функции семьи – поддержание через рождение новых членов биологической непрерывности общества и поддержание культурной непрерывности общества за счет передачи культурного наследия. Внимание к семье со стороны «многих более широких групп» и «всех основных институтов» объясняется тем, что семья представляет собой «институт социального контроля, осо-

бенно для молодого поколения», «мощный фактор контроля сексуального поведения», способна «успешно противодействовать отклонениям от норм поведения». Формируя определенные образцы поведения людей, семья способна привести к значительным «последствиям в политике, экономике, культуре, религии» [2]. О роли семьи в социально-стратификационных процессах говорится весьма ограниченно, как о влиянии материального и образовательного положения родителей на жизненную карьеру ребенка.

В марксистской традиции обычно рассматривается влияние семьи как элемента социальной структуры на экономику, экономики на семью, а также влияние социально-исторических условий на характер семейных отношений, хотя сами исследования семьи оттеснены на периферию социологических исследований. Понимание большей значимости семейных отношений в обществе заставляет некоторых исследователей дополнить (или противопоставить) марксистский анализ общественных отношений, согласно которым их основу составляют экономические отношения и фрейдистскую традицию выведения общественных отношений из семейных. Б. Рассел отмечает, что «лично я не придерживаюсь ни того, ни другого направления ... трудно доказать первичность первого или второго фактора, исходя из принципа причины и следствия» [2].

К. Маркс считал, что «современная семья содержит ... в миниатюре все те противоречия, которые позднее широко развиваются в обществе и в его государстве» [3]. Но методология Маркса неоправданно сведена исключительно к экономическому детерминизму. В работах классиков социологической мысли предложены более глубокие методологические основания рассмотрения семьи как способа институционального регулирования социально-структурных процессов. Так, Ф. Энгельс не просто рассматривает происхождение и трансформацию института семьи в ряду других важнейших социальных институтов, что следует из названия произведений, но довольно удачно обосновывает единство и взаимное влияние институционально-трансформационных процессов.

Для того чтобы влияние института семьи на процессы социальной стратификации обозначились более рельефно, необходимо уточнить структуру семейных отношений и семейного членства. Совершенно не прав Я. Щепанский [2], утверждающий, что приrost семьи происходит только биологически за счет рождения детей, а не «благодаря приему новых членов извне». Только одно исключение приемлет этот автор – усыновление или прием чужих детей. Структура семьи включает индивидов, связанных отношениями не только родительства, но и супружества, а для их возникновения необходимо вступление в брак лиц, как правило, принадлежащих разным семьям. В обыденном языке отражены возможности приращения семьи вне рождения детей. Говорят, что женщину берут в семью, а мужчину, перешедшего жить к родителям жены называют «примаком». Эти слова в большей степени характеризуют традиционную семью и в меньшей относятся к современным семейно-брачным отношениям. Но остается суть – либо новые члены семьи приходят из других семей со своим социальным, экономическим и культурным капиталом, либо совершенно новая семья образуется через объединение различных индивидов, имеющих иной статус, чем их родители.

Далее, семья включает не только отношения родительства и супружества, но и родственные отношения – не родства как общности происхождения, а родственности как повседневных взаимодействий и контактов людей, входящих в конкретную семью, связанных между собой фактом принадлежности к семье. И хотя современные исследования обнаруживают тенденцию к сокращению влияния родственного окружения на семью, сокращение участия родственников в жизни конкретной семьи, говорить о незначимости такого влияния пока не приходится. Тем более что ряд современных исследований обнаруживает не только тенденции к сокращению членства и разрыву родственных отношений, но и обратную тенденцию к упрочению родственной близости на новой неэкономической, постматериальной основе, а также фиксируют первоочередное

обращение к семейно-родственному кругу в случае кризисных состояний общества.

Рассмотрение семьи в контексте социально-стратификационных процессов позволяет обнаружить соответствие моделей семьи, особенностей семейных отношений характеру социально-стратификационных процессов в обществе. Процессы социальной стратификации охватывают не только изменения социального статуса, но и его воспроизводство. Исследования показывают, что семейные отношения в обществе, кодекс брачного поведения отдельных социальных групп направлены либо на сохранение и воспроизводство социального статуса и, тем самым, стратификационной структуры общества, либо на изменение статуса, размывание и трансформацию социальной структуры.

Воспроизводство социального статуса обеспечивается, прежде всего, семейным наследованием имущества. Именно в связи с организацией наследования происходит четкое структурирование системы родства, не имеющее значения ранее.

Роль института семейного наследования имущества в системе стратификации, по мнению исследователей, меняется со временем. В работе П. Сорокина, написанной в первой половине XX века на историческом материале, отмечено, что в качестве канала социальной мобильности «накопление богатств и политическая деятельность имеют огромное значение сейчас, хотя несколько столетий тому назад их значение было менее ощутимо» [4]. Действительно, повышение значимости индивидуальных достижений не может не сказаться на снижении значимости наследуемых статусов, в том числе и наследуемого имущества, но не отменяет их возможности. Снижение роли фактора имущественного наследования в современном мире произошло в результате следующих причин. Во-первых, серьезным ударом по крупным наследственным состояниям нанесли принятые в США и ряде других развитых стран законы, устанавливающие огромный налог на наследство. Во-вторых, изменение технологического фундамента общественного производства привело к изменению ключевых объектов собственности. Машинная

технология, лежащая в основе индустриального производства, повышала роль материальных производственных структур как объектов наследования. «Система машин выступает как наиболее адекватная форма *основного* капитала, а основной капитал как ... наиболее адекватная форма капитала вообще». Современное общество определяется как пространство потоков. Основной характеристикой экономики является ее «информационность» – т.е. зависимость производительности и конкурентоспособности факторов или агентов «в первую очередь от их способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях» [5]. Благодаря возрастающей в экономике роли знаний в верхних слоях общества увеличивается число технической интеллектуальной элиты, корпоративных менеджеров. А «если активы предприятия представляют собой прежде всего результат искусства управляющих, а не применения машин и других материальных объектов, то собственность, безусловно, теряет свое значение» [6]. Поэтому Д. Белл заявляет об упадке наследственной власти и возрастании роли наемного управленческого персонала – менеджеров и уничтожении социальной системы, основывающейся на наследуемом семейном предприятии [1].

Позиции наследников крупной собственности несколько трансформировались, но наследование имущественного статуса не было утрачено. Для его сохранения потребовались манипуляции с различными градациями права собственности, различными организационными формами реализации экономической власти. Например, можно иметь значительный пакет акций получающих дивиденды, но не имеющих права голоса, т.е. не влияющих на принятие решений. За счет различных холдингов и фондов, выступающих держателями акций, минимальный пакет акций может контролировать более значительные. Так, например, наследники великого Генри Форда владели 10 % выпущенных в обращение акций компании «Форд мотор компани». Но этот пакет гарантировал им 40% голосов. Присоединение акций Фонда Форда, владеющего акциями «Форд мотор ком-

пани» было достаточно, чтобы обеспечить себе 70% голосов [5]. Кроме того, контракт наследника как президента Фонда имени семьи позволяет переложить на компанию или Фонд оплату счетов и частных расходов. Таким образом, дробление крупных наследственных состояний не приводит к сокращению экономической власти их обладателей. Власть наследуемой собственности сохраняется, хотя форма изменяется.

Имущество и наследуемая собственность – важный, но не единственный способ семейного влияния на воспроизводство стратификационной структуры. Существует ряд статусов, которым ребенок наделяется в силу рождения и воспитания в семье: национальность, титул, место в городском или сельском укладе жизни и т.д. Семейное воспитание способствует воспроизводству структуры, поскольку оно осуществляет подготовку ребенка к выполнению определенных социальных ролей, готовит ребенка к определенному типу социальной карьеры.

И. В. Мостовая выделяет следующие функциональные черты происхождения, связанные с воспитанием и образованием:

а) ограничение культуровоспроизводственных возможностей, установка образовательного горизонта, социальной ориентации посредством формирования ценностного мира;

б) обусловленность развития «природных способностей и талантов» [7].

В средних и верхних слоях общества принято более внимательно относиться к индивидуальным способностям и талантам человека, развивать их, создавать условия для их реализации. В среде бедных дети вынуждены с раннего возраста подрабатывать, чтобы помогать родителям содержать семью. Так было в традиционном аграрном обществе, где у детей были свои трудовые обязанности. В современном мире дети с 12-13 лет вынуждены подрабатывать на рынке, мыть автомобили, продавать газеты и т.д. Талантливые люди из бедных слоев достигают высот в литературе, искусстве, науке, преодолевая большее количество препятствий, чем выходцы из семей, занимающих более высокие позиции. Ограниченные воз-

можности своего происхождения им приходится компенсировать «пробивными» чертами характера, целеустремленностью, активностью. Кроме того, система образования воспроизводит статусные различия в обществе. Образование, получаемое в муниципальных школах, отличается от элитарного малым объемом социально эффективной информации и низким качеством.

Очевидно, что в современных условиях, в обществе, основанном на информации и знаниях, семейный статус не является абсолютной гарантией высокого положения, но он становится условием овладения ключевым для общества ресурсом – хорошим образованием, знаниями. Э. Гидденс вводит понятие «репродукционный круг» для того, чтобы объяснить воспроизводство определенного рода качеств, свойств, структур: «Гомеостатическая системная репродукция человеческого общества может рассматриваться таким образом, что она включает в себе воздействие каузальных витков, в которых ряд неумышленных следствий действий обратно связывается и так снова и снова устанавливает исходную ситуацию» [8]. Так воспроизводство социальной разницы между богатыми и бедными происходит в результате формирования репродукционного круга бедности: Бедность → Плохое образование → Низкая зарплата → Бедность.

Ресурсная концепция стратификации, опирающаяся на бурдьевистскую концепцию капитала, открывает возможность обсуждать различные формы получаемого в семье капитала, выступающие способом закрытия классовых полей, ограничивающие возможности изменения статуса. П. Бурдьё, изучая проблему социальных различий, подчеркивал значение габитуса, как порождающего принципа, порождающего практики и одновременно являющегося системой их классификации. Объективные различия позиций по объему и характеру капиталов проявляются в динамической силе габитуса, производящего и различающего практики. «Именно в соотношении между этими двумя способностями, определяющими габитус – способности производить классифицируемые практики и их продукты и способности различать и оце-

нивать эти практики и эти продукты (вкус) – формируется представление о социальном мире или пространстве стилей жизни» [6]. Благодаря габитусу совокупность практик агента не является случайным набором, а имеет систематический характер. Габитус производит схемы, порождающие практики и определяет то, что мы называем стилем жизни. Можно сказать, что капиталы – это то, что образует возможности практик. Но какие практики будут отобраны из множества возможных определяется стилем жизни, габитусом.

Стиль жизни – целостное явление, поэтому при изменении одного из параметров жизненный стиль не меняется кардинально. Так, столяр-краснодеревщик может зарабатывать больше конторского служащего или ассистента кафедры, но это не значит, что его расходы в области еды будут направлены на покупку более дорогой и качественной еды или путешествия по художественным галереям Европы. Также увеличение доходов слесаря-сантехника не приведет к тому, что он будет тратить деньги на более дорогую, экологически чистую и полезную пищу. Скорее всего, он сохранит кулинарные пристрастия, просто рацион его станет объемнее.

Формулой, порождающей устойчивость социальных различий и привязанность к определенному стилю жизни, склонность к определенному присвоению материальных и символических благ, является, по мнению П. Бурдьё, вкус. Вкус это структура, порождающая определенные практики, формирующие и закрепляющие социальные различия. В отличие от непосредственной обусловленности действия наличными ресурсами (нет денег на посещение ресторана – человек покупает на улице пирожок), вкус как необходимость воплощается через склонность к тому или иному действию: вкус формирует в людях склонность к тому, к чему они, так или иначе, обречены. Вкус представляется Бурдьё совершенно необходимой категорией, объясняющей воспроизводство социальных различий в различных стилях жизни. Устранение этой категории сводит действия людей исключительно к экономической необходимости, понятие вкуса подчеркивает свободу,

возможность выбирать.

Бурдьё формулирует тезис, объясняющий возможность вкуса функционировать как фактор репродукции социальных различий в гидденсовском смысле. «Подлинный принцип, лежащий в основе различий, наблюдаемых в области потребления, как и за ее пределами, заключается в оппозиции между *вкусом к роскоши* (или *к свободе*) и *вкусом от нужды*. Первый свойствен индивидам, выступающим продуктом материальных условий существования, характеризующихся *дистанцией от сферы необходимости*, свободами, или как иногда говорят, *удобствами*, которые дает обладание капиталом. Второй – уже одним фактом приспособления – выражает нужды, плодом которых он является». Семейный статус, семейное воспитание и семейная социализация выступают важнейшими основаниями формирования у индивидов того или иного типа вкуса. Социализация человека в условиях достатка формирует структуры, которые в случае нужды и понижения статуса будут толкать человека к действиям, направленным на восстановление статуса, на его рост. В то время как вкус от нужды выступает формой социальной убогости, он порождает «стиль-жизни-в-себе», определяемый через лишение чего-либо, через недостаток. Рефрен семейного воспитания «ну что ж, кому-то довелось родиться в хижине, кому-то во дворце, так тому и быть!», «не всем же богачами быть, «на всех хороших мест не хватит» формирует у человека не столько идейную, сознательную бедность, какой была бедность монахов, сколько «ментальную» бедность, порождающую социальное бессилие и пассивность. Человек смиряется с существующим положением, сокращая свои потребности, либо предпринимает попытки выбраться из нужды наличными средствами, приведшими к социальной эксклюзии. «Вкус есть *amor fati*, выбор судьбы, но выбор вынужденный, навязанный условиями существования, которые, исключая как пустые мечты любую другую возможность, не оставляют иного выбора, чем вкус к необходимому» [9].

Конечно, семья не является единственным агентом формирования вкуса, особенно

в современном мире. П. Сорокин [4] считал, что в обществах, где семья неустойчива, часты разводы, воспитательные функции берут на себя общественные институты. Сам по себе факт доминирования общественных институтов в воспитании человека не является негативным фактом. Но для создания более или менее гармоничной системы ценностей и норм необходимы не столько масса этих институтов, сколько институт, группа или личность, которые возьмут на себя задачу приведения к общему знаменателю (но не единообразию) совокупности разных влияний. Лучше всего, если это будет нравственное семейное воспитание.

Участие института семьи в формировании стратификационных структур проявляется в наследовании ресурсного потенциала социальных влияний. И. В. Мостовая считает, что особенностью российской стратификационной системы является закрепление в структуре социальных позиций не столько функционально-ролевых отношений, сколько межперсональных связей россиян (влияние на стратификацию протекций, родства, товарищества, корпоративности, клановости, патроната и т.д.). В результате социальные структуры воспроизводятся «связками», «командами», кланами, основанными на персональных, а не функциональных отношениях [7]. Отсюда возможно выведение роли семейных и родственных факторов в воспроизводстве структуры социальных позиций. В основе лежит формирование доверия, основанное на «семейной поручке» и семейных гарантиях.

Рассматривая влияние института семьи на стратификационную систему, мы не раз подчеркивали трансформацию многих способов воздействия при переходе к современному обществу. Большинство изменений можно привести к следующему знаменателю: традиционное общество использовало семейные институты для консервации и воспроизводства социально-стратификационных структур, современное – для изменения социальных позиций.

В качестве примера рассмотрим семейно-брачное поведение викторианской Англии. Выбор периода и страны определяется с

одной стороны, типичностью семейно-брачных отношений традиционного общества и общества периода ранней индустриализации, и с другой стороны определенной свободой в выборе супруга в протестантской Англии. Известно различие католического и протестантского брака, и французского и немецко-английского литературного романа [9]. Организация брачных отношений в условиях предоставления молодым людям определенной свободы выбора брачного партнера еще более подчеркивала социально-стратификационную замкнутость и направленность на воспроизводство статуса, чем безальтернативная барачная модель, где родители выдавали девушку замуж насильно, без предварительного знакомства с претендентом.

Строгий кодекс знакомства играл охранительную функцию и для семьи невесты: защищал от проникновения чужаков, авантюристов, выдававших себя не за того, кем он является на самом деле. Молодой человек не мог запросто познакомиться с девушкой. Даже «бальное» знакомство не позволяло ему рассчитывать на более тесное общение. На следующий день после бала девушки делали вид, что не знают кавалера, если он не был представлен кем-то из общих знакомых. Юноша, чтобы познакомиться с девушкой, должен был искать тех, кто мог бы его представить. Если в числе его знакомых и знакомых девушки пересечений не находилось, затею близкого знакомства и брака можно было оставить. Очевидно, что молодой человек и девушка принадлежали разным социальным группам.

Отметим, что столь строгие меры ограничения добрачного поведения и общественного руководства брачных стратегий касались, прежде всего, высших слоев общества. Низшие слои были значительно свободнее не только потому, что работающей девушке невозможно было избежать различного рода знакомств, им не требовалось сохранять свой статус специально.

Кроме воспроизводства социально-стратификационной структуры и стратификационной замкнутости институт брака того времени создавал условия для социальной мобильности, хотя и довольно ограниченно.

Обедневшие дворяне женились на дочерях промышленников, получая довольно приличное состояние, а промышленники – связи дворян в высшем свете и правительстве. Отсутствие брака и собственной семьи создавало препятствия в социальной карьере не только женщин, но и мужчин. Общество считало, что единственное предназначение женщины – это создать семью, поэтому участь женщины, не вышедшей замуж была печальна. К ней относились как лишнему рту. Как правило, она становилась воспитательницей своих племянников, сиделкой при больных родственниках, дополнительными рабочими руками в хозяйствах родственников. Причем презрение было настолько велико, что благодарности она почти не слышала. Ее презирали даже слуги, принося еду последней. Но и мужчина, не вступивший в брак, вызывал подозрение и не мог рассчитывать на создание успешной карьеры. Ему не поручали серьезных задач, считая юнцом-переростком. Таким образом, мотивация вступления в брак была сильной.

Современное общество и семья в современном мире претерпели значительные изменения. Кроме уменьшения размеров семьи за счет общего снижения рождаемости, наблюдается 1) нуклеаризация семьи, 2) рост числа неполных семей за счет разводов, 3) интенсификация брачной карьеры за счет числа разводов и браков в течение жизни одного человека. Кроме того, в ходе кросскультурных исследований отмечен повсеместно процесс деградации некоторых семейных ценностей, размывания представлений людей о содержании семейных ролей, а также ослабление поведенческих норм в сфере брака и семьи [10].

Рассмотрение ценностно-нормативных оснований семьи, институционализированных семейно-брачных отношений и поведенческих комплексов показывает их соответствие характеру социально-стратифика-

ционных процессов в обществе и взаимное влияние. Проявляется это влияние, прежде всего, в преимущественной институционализации факторов, направленных, либо на воспроизводство существующей социально-стратификационной системы, либо на ее разрушение и интенсификацию социально-мобильностных процессов. Изучение предпосылок этих процессов в современном мире определяется необходимостью установления динамичного равновесия воспроизводственных и трансформационных процессов, эффективного использования социальных институтов для регулирования социальной структуры современного общества.

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М., 1999. – С. 45-46.
2. Шепаньский Я. Элементарные понятия социологии. – М.: Прогресс, 1969. – С. 140-142.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. – С. 205.
4. Сорокин П. Человек. Общество. Цивилизация. – М., 1992. – С. 404.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество, культура. – М., 2000. – С. 81.
6. Бурдые П. Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. – Т. 6. № 3. – С. 26.
7. Мостовая И. В. Социальная стратификация и мобильность. – Ростов-на-Дону., 1996. – С. 31-32.
8. Giddens A. Central Problems in Social Theory: Action. Structure and Contradiction in Social Analysis. – Houndmills, 1979. P. 78.
9. Диттрич Т. Повседневная жизнь викторианской Англии. – М., 2007.
10. Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. – М.: Мысль, 1979. – С. 75.

Василий Александрович Чуланов – доктор философских наук, профессор кафедры «Гуманитарные и социальные науки» Шахтинского института (филиала) ЮРГТУ (НПИ), заслуженный работник высшей школы, почетный гражданин г. Шахты.

Автор многочисленных работ по проблемам социальной стратификации, социологии управления, проблемам бедности и неравенства в современной России.

Vasily Aleksandrovich Chulanov – Ph.D., doctor of philosophy, professor of «Humanitarian and social sciences» department of SRSTU (NPI) Shakhtinskiy branch, Higher education Honored member, freeman of Shakhty.

Author of numerous works, dedicated to problems of social stratification, sociology of management, poverty and inequality problems in nowadays Russia.

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Rostov reg., Russia
Тел.: (8636) 22-59-75, e-mail: gsn@itsinpi.ru

Вера Николаевна Кипшидзе – соискатель кафедры «Гуманитарные и социальные науки» Шахтинского института (филиала) ЮРГТУ (НПИ), автор ряда работ по проблемам социальной стратификации, социологии семьи.

Vera Nikolaevna Kipshidze – applicant of «Humanitarian and social sciences» department of SRSTU (NPI) Shakhtinskiy branch, author's works describe the problems of social stratification and family sociology.

346500, г. Шахты, пл. Ленина, 1
1 Lenina sq., 346500, Shakhty, Rostov reg., Russia
Тел.: (8636) 22-59-75, e-mail: gsn@itsinpi.ru

Диссертационный совет ДМ 212.304.10 при ГОУ ВПО ЮРГТУ (НПИ), 346428, ул. Просвещения, 132, г. Новочеркасск, Ростовская область, (86352) 55-5-14 объявляет, что Великанов Сергей Евгеньевич представил диссертацию на соискание ученой степени кандидата наук «Институциональное развитие системы социальной защиты в России» по специальности 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы», социологические науки.

Защита диссертации планируется: 04.07.2009 г.
